

Скромно обставленная спальня была невелика. Тело наложницы Дуань уже перенесли на кровать, а возле неё на коленях молча сидела Чжансунь Цичунь. Голова её была опущена, поэтому лица не было видно. В комнате больше никого не было — видимо, всех удалили.

Вскоре вошла молодая служанка с красными от слёз глазами, неся медный тазик с чистой водой. Подойдя к Чжансунь Цичунь, она дрожащим голосом позвала:

— Восьмая принцесса...

Цзин Жань не отрываясь смотрела на служанку. Её поведение казалось искренним, и Цзин Жань подумала, что добрая и честная слава наложницы Дуань, вероятно, не была ложью.

Губы Чжансунь Цичунь шевельнулись, и она сиплым, хриплым голосом произнесла:

— Поставь там, принеси чистую одежду...

Она помолчала мгновение и снова заговорила:

— Ладно, ступай.

Служанка посмотрела на Чжансунь Цичунь, потом на лежащую на кровати наложницу Дуань, но не выдержала, зажала рот рукой и, всхлипывая, убежала из комнаты.

Цзин Жань наблюдала, как Чжансунь Цичунь медленно встала и намочила полотенце. Должно быть, она собиралась обмыть и переодеть тело наложницы Дуань. Цзин Жань подняла голову и снова встретилась взглядом с Чжансунь Циму, которая уже смотрела на неё.

...

Цзин Жань косо посмотрела на Чжансунь Циму, слегка усмехнувшись. Каждый раз, когда она занимается воровством, она натывается на этого человека. Видимо, это «заядлый вор».

Чжансунь Циму опустила веки, о чём-то задумавшись. Её длинные ресницы, обычно слегка изогнутые, в этот раз мило и покорно прилегли к нижним векам, отбрасывая мягкую тень, словно маленький веер, вызывая желание потрогать их.

Внизу раздались шаги. Туман в глазах Цзин Жань рассеялся, она посмотрела вниз. Наложница Дуань лежала на кровати с опрятной причёской, а Чжансунь Цичунь неспешно направлялась во внешнюю комнату — вероятно, самой за чистой одеждой.

Сейчас!

Цзин Жань и Чжансунь Циму переглянулись и одновременно нырнули в зал.

Времени было мало. Цзин Жань уже протянула руку, чтобы взять наложницу Дуань за подбородок, но Чжансунь Циму первой метнулась к левой мочке уха наложницы, быстро открутила серьгу, и крошечная тёмно-красная пилюля скаталась ей на ладонь.

Цзин Жань слегка удивилась, глядя на холодный профиль Чжансунь Циму, и в душе снова возникло сложное чувство от подтверждения догадки.

Чжансунь Циму с бесстрастным лицом закрутиласерiousu обратно и надела её на место, а затем другой рукой схватила Цзин Жань и вытащила её из зала до того, как Чжансунь Цичунь вошла в дверь.

Эта ночь была почему-то невероятно холодной. Чжансунь Циму, держа Цзин Жань за рукав, летела напрямик к дворцу Баосян, не проявляя ни намерения остановиться, ни желания говорить.

Цзин Жань, которая всю дорогу сохраняла суровый вид и сжатые губы:

— ...

Лишь когда они вошли в боковой покой, где жила Цзин Жань, Чжансунь Циму отпустила её руку, посмотрела на неё и вдруг произнесла:

— Тебе нравятся мои ресницы?

Цзин Жань:

— !

Чжансунь Циму тихо рассмеялась и, прежде чем Цзин Жань успела открыть рот, тихо сказала:

— Я знаю, что ты хотела спросить. Эта серьга наложницы Дуань была подарена отцом-императором в пятнадцатом году эры Тяньци. Тогда она была весьма любима, но после того, как драгоценная наложница Ли вошла во дворец, наложница Дуань больше никогда её не надевала. И более того...

Чжансунь Циму замолчала, нахмурила брови и понизила голос:

— Такая же серьга есть и у моей матери.

Цзин Жань тихо отозвалась, её взгляд стал сложным. Вероятно, это была пара, и старый император подарил их по одной императрице и наложнице Дуань.

В таком случае... Цзин Жань тихо опустила глаза, глядя на человека перед собой, и в душе вздохнула. Императрица — мать Чжансунь Циму. Если это дело как-то связано с императрицей, то Чжансунь Циму тоже не удастся остаться в стороне.

Чжансунь Циму улыбнулась Цзин Жань, но тонкие губы лишь слегка изогнулись. Она только начала говорить:

— У матери... — как за дверью раздался почтительный голос:

— Это вы, господин Цзин? Приготовить воду для омовения?

Цзин Жань посмотрела на тень служанки, падавшую на бумажную оконную створку, затем повернулась к Чжансунь Циму и встретилась с её блестящими чёрными глазами.

Чжансунь Циму кивнула ей, а затем бесшумно взмыла в воздух и покинула дворец Баосян.

— Готовьте, — громко распорядилась Цзин Жань, медленно отводя взгляд от окна.

Красивые брови её слегка нахмурились, и на сердце стало тоскливо — почему всегда так много дел вмешивается посреди всего?

Луна сияла, словно серп.

Карета князя Дэциня въехала во владения дома. Цзян Байси издали обернулась, небрежно бросила бамбуковый лист, с которого играла, и прыгнула с верхушки бамбука.

Старый князь Дэцинь откинул занавеску кареты, и перед ним появилось большое лицо, цветущее, как персиковый цветок.

...

— Почему ты вернулся один? Где та нефритовая красавица?

Цзян Байси подалась вперёд, окинула взглядом пустые стенки кареты и нахмурилась.

— Эта девчонка снова убежала во дворец! — старый князь Дэцинь недовольно отмахнулся от головы Цзян Байси, просовывавшейся в карету, и вышел на землю.

Цзян Байси проследовала за ним во двор Чжилань, оглядываясь по сторонам и хмурясь:

— Старик, а твой двор надёжный?

За какие-то несколько дней в этом маленьком дворике появилось столько новых мастеров.

Старый князь Дэцинь резко остановился, крутанул головой, нахмутив брови:

— Ты как меня назвала?

— ...Цзян Байси моргнула, приподняла брови и сложила губы:

— Раз та нефритовая красавица так тебя зовёт, почему я не могу?

Старый князь Дэцинь ловко хлопнул Цзян Байси по макушке и проворчал:

— Вижу, учишься только плохому у этой девчонки!

— А по-моему, ты её больше любишь, чем меня, так зачем мне тогда звать тебя дедушкой! — недовольно возразила Цзян Байси, потирая удариенную голову. Её брови, которые до этого гордо торчали, безнадежно опустились.

Старый князь Дэцинь скользнул взглядом по Цзян Байси, ничего не сказал, вошёл в комнату, сел и лишь тогда грустно произнёс:

— Я знаю, что я, старик, многого вас лишил, и той девчонке пришлось труднее, чем тебе.

Цзян Байси нахмурилась и нарочно сказала:

— О чём так грустно? Да никто без тебя и не помрёт!

Уголок рта старого князя Дэциня растянулся, неясно, рассмешила его Цзян Байси или он просто покачал головой с ухмылкой, пробормотав что-то под нос.

— Что ты там бормочешь? — Цзян Байси уставилась на бороду старого князя Дэциня, повышая голос.

— Ничего! — старый князь Дэцинь тут же косо посмотрел на неё:

— Если хочешь спросить о деле, спрашивай скорее, а мне, старику, нужно пораньше ложиться

спать, в моём возрасте нужен покой!

Правда, эта девчонка испортила их обеих — ни та, ни другая не уважают старших, зовут меня стариком, да ещё и дёргают за бороду целый день.

Цзян Байси закатила глаза к потолку, отставила чашку, выпрямилась и перешла сразу к делу:

— Только что пришли вести из дворца, что наложница Дуань пыталась убить этого старого пердуня императора Юэ? Ты своими глазами видел, что произошло?

Старый пердунь? Старый князь Дэцинь снова косо посмотрел на Цзян Байси, подумав, что быть «стариком» в её устах всё же лучше, чем «старым пердунем», и даже почувствовал облегчение.

— Я-то как раз не разглядел, в моём возрасте зрение уже не то...

Старый князь Дэцинь притворно повозился, но прежде чем брови Цзян Байси взлетели вверх, он хитро понизил голос и добавил:

— Но та девчонка разглядела. Она сказала, что последний удар наложницы Дуань был вовсе не случайностью — она сама воспользовалась силой рывка и вонзила шпильку себе в сердце!

Цзян Байси замерла и вырвалось:

— Она уверена, что не ошиблась?

Старый князь Дэцинь неспешно припил из чашки и лишь затем грустно произнёс:

— Ты сомневаешься в её зрении?

Цзян Байси замолчала и тяжело откинулась на спинку стула. Старый князь Дэцинь её не беспокоил, сдувая плавающие листочки с чая, позволяя ей самой всё обдумать.

Целое время, пока выпивалась чашка чая, Цзян Байси вдруг всё поняла и холодно усмехнулась. Эта золотая штучка действительно готова на всё.

Старый князь Дэцинь услышал звук, обернулся и посмотрел:

— Догадалась?

Цзян Байси приподняла одну бровь, сидя сгорбившись и выглядя побитой, и закрыла глаза, вкладывая в это неясный смысл:

— Твоя хорошая внучка — то ещё сокровище!

— А мне кажется, та маленькая Ули — просто чудо, мысли у неё тонкие, а руки твёрдые. Не то что вы двое — только позорите меня, старика!

Старый князь Дэцинь с отвращением сморщился, стукнул чашкой о стол и замахал рукой, прогоняя:

— Убирайся скорее, мне, старику, нужно отдыхать!

— Раз она так хороша, усыновляй её себе в внучки! — Цзян Байси, казалось, разозлилась,

резко вскакнула и улетела, не оглядываясь.

...

<http://bllate.org/book/16717/1536999>